

Рекламации к теории бильярдной игры от Лемана

С.Тихонов

Апрель, 2016

Часть из представленного в статье материала ранее была разрозненно размещена в разных частях сайта [Русский Биллиард](#). Некоторые же из моих соображений публикуются впервые.

Культ личности в нашей стране – не абстрактное теоретическое понятие, а вполне конкретное явление, с которым не единожды приходилось сталкиваться многострадальному российскому народу. Причём, наши предшественники переживали не только периоды культа своих здравствующих современников, но и долгие периоды посмертного всеобщего восхваления и поклонения. Не буду здесь приводить примеры культа, связанные с людьми, добравшимися до вершин государственной власти, а ограничусь лишь разговором о бильярде. «Но при чём же здесь», – скажете вы, – «эта игра»? А при том, что и её, как одно из проявлений общественных отношений, тоже коснулись элементы культа личности.

Так уж получилось, что до совсем недавнего времени любителям бильярда в России была доступна всего лишь одна дореволюционная книга – «Теория бильярдной игры» – являющаяся вторым изданием труда Анатолия Ивановича Лемана, вышедшим в свет в 1906-м году. В результате, сложилось стойкое убеждение в том, что иные литературные источники по Русскому Биллиарду (РБ) либо были навсегда утрачены, либо не представляли собой ничего ценного для любителей теории и истории игры. А раз так, то и всеми лаврами основного теоретика РБ был заочно награждён А.Леман. По сути, ему был присуждён титул «нашего бильярдного ВСЁ», а сам он был превращён в своеобразную икону для современных любителей игры. Недаром, появилось и прижилось выражение, исходящее из культа поклонения лидеру пролетарской революции: «Как завещал великий Леман». Не хватало еще пририсовывать нимб над изображениями бильярдного теоретика или называть его «самым бильярдным бильярдистом».

Но, в конце концов, жизнь показала, что далеко не одним Леманом славен наш бильярд. Выяснилось, что в давние годы было напечатано вовсе не скудное количество литературы о РБ, и – что очень важно – эта литература стала бесплатно и быстро доступна всем тем, кто проявляет к этому интерес. Стало ясно, что, помимо Лемана, в России жили и трудились многие талантливые люди, навсегда оставившие свой заметный след в развитии РБ. Попутно, пришло и понимание того, что отнюдь не безгрешен в области теории бильярда был сам Леман.

В этом небольшом эссе я подвергну критике некоторые из высказываний Лемана по бильярдной тематике, которые кажутся мне неверными или сомнительными. И цель моя состоит не в том, чтобы облить грязью человека, а в том, чтобы разобраться – в чём он был не прав, какие допустил ошибки. Мне хотелось бы, чтобы те из любителей нашего национального бильярда, кому не безразлична его история, знали об этих ошибках – чтобы не повторять их самому и не нести их в массы.

①. Начну с того, что во введении к первому изданию своей книги Леман сразу же демонстрирует свою неполную осведомлённость не только об опубликованной к тому времени (1884 год) иностранной литературе о бильярде, но даже и о такой литературе в своей стране. Действительно, чтобы подтвердить этот тезис, обратимся к первоисточнику:

«Литература мало коснулась бильярдного искусства. За границей есть несколько сочинений, касающихся карамбольных партий, но эти сочинения редки, написаны тяжело, и у нас в России, где процветают русские бильярды с лузами и русские партии, в которых кладут шары в лузы, – не имеют никакого значения. До сих пор что и являлось печатного на свет об русских партиях, так это следующее:

1. Правила бильярдной игры, составленные маркером Московского Купеческого собрания [Р.Бакастовым](#). Москва, 1853.
2. Общепринятые в России правила бильярдной игры, составленные [А.Фрейбергом](#). Москва, 1853 г.
3. Правила игры в шахматы, шашки, бильярд и т.д. С.- Петербург, 1880 г. [Сергея Галактионова](#).

(Все эти сочинения – только собрание правил бильярдной игры и не более 50 стр. текста. А статья Галактионова есть перевод французской брошюры с кратким дополнением фрейберговских правил. Примечание автора.)

Таким образом, кроме «правил» на русском языке ничего не появлялось. А упомянутый Галактионов даже прямо говорит, что теория не имеет места на бильярде (с чем соглашается и А.Фрейберг), но в этом уже предоставляю убедиться читателю».

Теперь последовательно пройду по процитированному тексту Лемана. Он говорит, что «литература мало коснулась бильярдного искусства», и согласиться с ним можно лишь с позиции настоящего любителя бильярдной игры, желающего иметь как можно больше литературы, посвящённой предмету своей любви – игре в бильярд. На самом же деле, к 1884-му году в типографиях по всему миру были уже напечатаны многие десятки различных книг о бильярде. Поэтому, слова Лемана можно уподобить неудачной попытке ткнуть пальцем в небо.

Дальше Леман утверждает, что «... за границей есть несколько сочинений, касающихся карамбольных партий, но эти сочинения редки, написаны тяжело ...». Действительно, вне пределов России были напечатаны и книги, исключительно посвящённые карамбольному бильярду. И хотя их, на самом деле, было немало, всё же основную массу бильярдной литературы составляли книги о лузном бильярде. Тем не менее, утверждать, что заграничные сочинения редки – всё равно, что переворачивать ситуацию с ног на голову. А чтобы говорить, что эти сочинения написаны «тяжело», нужно, хотя бы для начала, прочитать их – чем Леман на тот момент похвастаться не мог.

Перечисленные Леманом три российских литературных источника, конечно же, не исчерпывают весь список отечественной бильярдной литературы, доступной в то время. В частности, россиянам, интересующимся бильярдной игрой (но только почему-то не Леману) были известны следующие немалые по объёму книги:

1. [Правила бильярдной игры, содержащие показания всех французских партий и партии кеглей с казино по употреблению Миланскому и Болонскому](#). Москва, 1826.
2. [Теория бильярдной игры: руководство для желающих сделаться первоклассными игроками](#). Санкт-Петербург, 1847.

3. Руководство к изучению бильярдной игры во всех ее видах, составленное по самым лучшим источникам. Москва, 1851.

В них, помимо правил, можно найти и немало того, что по голословному утверждению Лемана «на русском языке ... не появлялось».

②. В первой главе Леман оставил вот такие строчки, которые не вырубешь и топором:

«У нас в России культ бильярда далеко не развит, хотя русские и превосходят все нации по своим бильярдным способностям».

«Немецкая нация наименее прочих способна к игре на бильярде».

Приятно, конечно, пусть и на словах, а не на деле, ощущать свою нацию самой-самой. Но немцы-то при этом – в чём провинились? С чего это Леман так решил? Хорошо ещё, что повзрослев (и, видимо, набравшись житейского опыта), автор изъясил приведенные выше весьма сомнительные утверждения из второго издания своей книги.

③. Затрагивая историю развития бильярдной игры, в той же первой главе Леман утверждает:

«Известно письмо Марии Стюарт к Глазговскому архиепископу, написанное в день ее смерти (17 февр. 1587 г.), в котором несчастная королева упоминает про свой бильярд (буквально – «une table de billard») и просит приготовить для него место в другом помещении».

Получилось так, что Леман привёл всего лишь одно предложение с упоминанием Марии Стюарт, а при этом явил читателям целую кучу несуразностей. Для начала отмечу, что сразу в двух датах заложена недостоверность. Во-первых, королева Шотландии была обезглавлена не семнадцатого, а восьмого февраля 1587 года. А во-вторых, обсуждаемое письмо было написано 24 ноября 1856 года, то есть почти за три месяца до смерти. И в день написания письма Мария Стюарт не могла знать о том, что её предадут казни, ведь смертный приговор, хотя и был вынесен судом 25 октября 1586 года, был подписан королевой Англии лишь за неделю до трагической развязки – 1 февраля 1587 года. Более того, неподписанный приговор был предан гласности лишь в декабре 1856 года, а до этого (и даже после этого) королева Елизавета могла его отменить и даже хотела это сделать. На основании того, что письмо писалось, якобы, в ночь перед казнью, выносятся неверные суждения об отношении Марии к своему столу. Дескать, она была так трепетна по отношению к нему, что за несколько часов до экзекуции писала (а значит – думала, беспокоилась) об этом, а не о чём-то более важном, насущном, вечном и пр. Иными словами, Леман и множество других авторов, вторящих ему, настойчиво приучают нас к мысли о том, что шотландская королева безумно любила бильярд и не могла о нём не думать даже в столь трагически часы. Именно об этом прямо говорит и другое лживое утверждение о том, что в письме Мария Стюарт просит подыскать другое место для своего стола. Кстати, мне вообще не ясно – зачем нужно было перевозить стол в иное место? Некоторые же «знатоки» убежденно отстаивают версию, что Мария, дескать, переживала о том, что до сих пор стол был установлен в очень влажном помещении, и это крайне вредно для него. Откуда это всё? Что за большая фантазия? Ведь ни о чем подобном речи в письме вовсе не идёт. На самом деле, единственный раз упоминая стол, Мария Стюарт жалуется своему духовнику – архиепископу Глазго – на то, что тюремщики забрали у неё стол, объяснив это тем,

что у неё больше не будет времени для упражнений и развлечений. Если хотите удостовериться в этом, то не ленитесь и самостоятельно покопайтесь с переводом выдержки из письма:

«Après ces propos, voyant que mes pauvres serviteurs n'y voulaient mettre la main, et que tous le refusaient hardiment, même les pauvres filles criant tout haut vengeance sur lui et sa compagnie, il appela sept ou huit satellites, et ayant fait abattre le dais, s'assit et se couvrit; et puis me dit qu'il n'était plus temps d'exercice et passe-temps pour moi, et pour ce il falloir ôter une table de billard. – Je dis que, grâce à Dieu, je ne m'y étais jamais ébattue depuis l'avoir fait dresser, et qu'ils m'avaient donné assez d'autres occupations».

④. Продолжая исторический экскурс, Леман неверно толкует правила игры в те давние времена, когда бильярд стал не наземной, а настольной игрой. Он пишет: «Посредине стола возвышался лук из железа или китового уса и назывался «порт» или «пасс». Через этот лук, или воротца, должны были проходить шары. Против ворот ставили «короля». Игроки, вооруженные молотками, по очереди, каждый своим шаром через ворота старался *положить короля в лузу*». Весьма странно, но здесь Леман ни словом не обмолвился о том, что игроки могли играть своим шаром по шару соперника, и умолчал о том, что именно в стремлении загнать шар противника в лузу и состояла игровая стратегия. Вместо этого, он доносит до читателя абсурдный замысел – «положить короля в лузу». Можно было бы предположить, что Леман допустил опisku, подразумевая то, что игрок старается отправить в лузу шар противника. Но если бы это было так, то почему в следующем издании книги (в 1906-м году) эта ошибка не была исправлена?

⑤. Двигаясь по тексту далее, Леман сообщает читателям следующую информацию о развитии бильярда во Франции:

«Если проследить развитие этой игры во Франции, то увидим, что еще в 1674 г. Этьенн Луазон в Лионе издал правила бильярдной игры, существовавшей в то время. Правила эти были крайне сложны и запутанны (подобно современным фрейберговским). Луазон говорит, что эта игра полезна для здоровья, приятна для ума и не разорительна для кармана. Если бы Луазон жил в настоящее время, пожалуй, он бы воздержался от последнего примечания».

Ознакомившись со словами Лемана, полезно разобраться – а что же, всё-таки, было на самом деле? Так называемые «Правила Луазона» действительно были напечатаны в сборнике игр *La Maison de Jeux Academiques* в 1674 году. Но до этого они были напечатаны и в 1668, 1665, 1659 годах. Даже есть информация и о выпуске 1654 года, в котором «засветились» Правила (чуть подробнее об этом см. ниже). Но почему же тогда я нарекаю их «так называемыми»? А потому что, как выяснилось, к Луазону эти Правила имеют лишь косвенное отношение. Этьенн Луазон был издателем, владельцем типографии в Париже, и к написанию обсуждаемых Правил его приплетать не следует. Вот Леман говорил, что «если бы Луазон жил в настоящее время, пожалуй, он бы воздержался от последнего примечания». Но на самом деле, ни от чего бы ему воздерживаться и не пришлось, потому что автором Правил является вовсе не он, а некто Де Ля Маринье (*De La Marinière*). В некоторых источниках информации автором Правил, вместо Маринье, ошибочно указывается Шарль Сорель (*Charles Sorel*). Но «вестись» на эту утку не стоит – на самом деле, Сорель написал другую книгу с созвучным названием *Academie des Jeux*.

Отдельно скажу несколько слов по поводу выпуска от 1654 года. И сделаю это «отдельно» потому, что авторство на бильярдный материал в этом выпуске принадлежит всё тому же Маринье, а вот в качестве издателя можно обнаружить вовсе не Луазона. В римском издании в этой роли выступил сеньор Риньери (*I. Ringhieri*), а вот в парижском – Робер Дено и Марин Лёши (*Robert Denain & Marin Leché*).

Добавлю еще один штрих. В 1674 году, который указывается Леманом, выпуск был действительно напечатан в Лионе, но издателем там выступает не Луазон, а Клод Ланглуа и Матьё Либерэ (*Claude Langlois & Mathieu Liberaï*).

Таким образом, на поверку выходит, что в своих четырёх предложениях о правилах Луазона А.Леман представил читателям недостоверную информацию. Ведь:

- а) Первые из известных Правил изданы в Париже, а не в Лионе;
- б) На самом деле, Правила – не луазоновские; их истинный автор – Де Ля Маринье;
- в) Первые правила были напечатаны не в 1674 году, а гораздо раньше – по крайней мере на 20 лет.

⑥. При обсуждении зарождения и развития карамбольной игры, Леман доносит ошеломляющую информацию: «Основные труды по теории карамбольной игры принадлежат Кариолису ([Theórie mathématique des effets du jeu de billard](#); par Cariolis. Paris. 1835 г)».

Факт есть факт – к моменту написания книги Лемана, печатных трудов по теории карамбольной игры набралось в достатке. Но книгу Кориолиса никак нельзя относить к этим трудам, тем более – нельзя её причислить к «основным трудам». Налицо – отсутствие знаний у Лемана о том, что же, на самом деле, изложил Кориолис в своей книге. Косвенным подтверждением тому являются ошибки во второй букве фамилии Кориолиса, допущенные Леманом как на русском, так и на французском языках.

⑦. Леман оповещает читателей о том, что кожаную наклейку для кия изобрёл француз Мангу (которого Анатолий Иванович называет на свой лад – Манго; что же, он имеет на то полное право), и сделал он это в 1827-м году. Если бы Леман посвятил побольше времени изучению факта изобретения бильярдной наклейки, то, возможно, у последующих поколений любителей бильярда с этим вопросом была бы полная ясность. А так – и до сих пор большинство из них верят в то, что лавры изобретателя действительно принадлежат Франсуа Мангу. Хотя, есть немало свидетельств, прямо противоречащих такому утверждению. Например, если бы Леман прочёл выше упомянутую книгу [1826-го года](#), то следующие строки заставили бы его по-другому взглянуть на изобретение кожаной наклейки:

«Поелику кожа, наклеиваемая на конце кия (что введено в употребление в Париже уже десять лет после того, как распространено в Италии с 1801 года), способствует быстрым успехам игры билиардной ...».

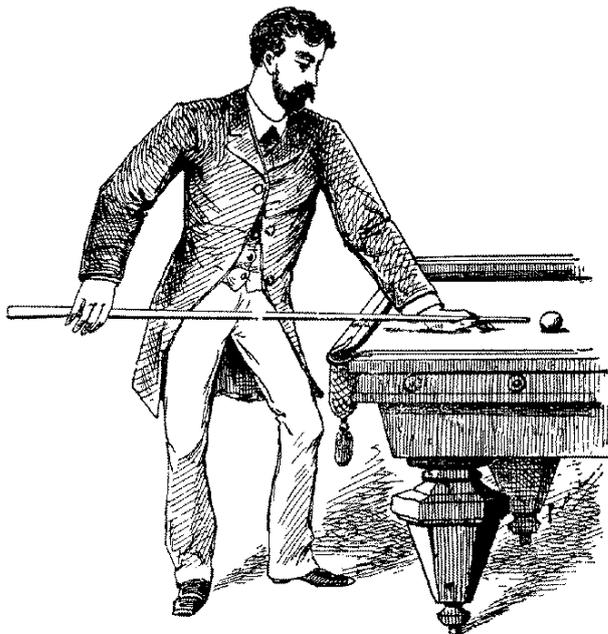
⑧. Признавая определённый пророческий дар Лемана, для справедливости следует отметить и то, что некоторые из его пророчеств оказались смехотворно далеки от истины. В качестве образца такого предсказания приведу цитату из книги (см. в конце второй главы):

«Однако, бильярдное искусство так быстро идет вперед, что уже в настоящее время необходимы важные и радикальные улучшения в фабрикации бильярдных столов. По всей вероятности, скоро будут, не возвращаясь к штучным деревянным доскам, накладывать на стол бильярда тонкий стальной лист, который вместе с бортами будет обтянут *цветной матовой* неупругой и весьма тонкой *резиной*, а сукна уж не будет. Тогда для бильярдной игры наступит новая эра, ибо получат особое значение *скачки бильярдных шаров*».

⑨. С точки зрения современных представлений о правильной игровой стойке, вызывают улыбку рекомендации Лемана в третьей главе:

«Стоять у бильярда надо спокойно, свободно и изящно. Голова при прицеливании немного наклонена, туловище почти вертикально, спина пряма, ноги чуть согнуты в коленях (*как в фехтовании; примечание автора*), и весь корпус повернут так, чтобы левое бедро приближалось к кию, положенному на бильярд для удара. Игрок должен почти касаться телом края бильярда».

«Правая рука должна быть свободно брошена вниз, почти не согнута в локте (нет ничего безобразнее задиранья локтя вверх), что возможно лишь, когда руки не слишком расставлены. Это необходимо для смелого и широкого размаха».

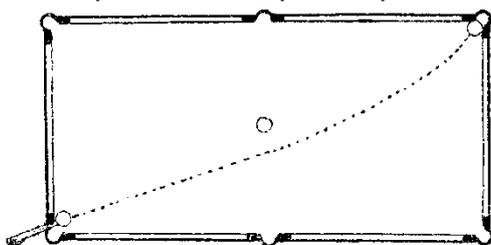
⑩. В главе 4 Леман высказывает своё негативное отношение к использованию машинки (в простонародье – «тёщи»):

«На большом бильярде не всегда можно «достать шара», т.е. играть его с помощью обеих рук. Тогда употребляют машинку. Она получила права гражданства на Западе, но у нас игроки, совершенно справедливо пренебрегают ею (*так при игре в 5 шаров более обрусевшей, чем другие партии, машинка не употребляется; примечание автора*). Действительно, начав играть, стараются выказать свое превосходство. Машинка *уравнивает* игру всех. Поэтому, отказавшись от нее по условию, игроки в тех случаях, где необходимо прибегнуть к ней, играют «тычком» или «пистолетом» и прочими способами, к рассмотрению которых и перейдем».

С точки зрения игрока, преследующего на бильярде исключительно коммерческий интерес, такая позиция Лемана вполне может приветствоваться. Например, у меня есть знакомый, который научился весьма сносно играть «пистолетом» в тех позициях, когда не удаётся дотянуться до шара с постановкой традиционного кистевого упора – «моста». И этот знакомый постоянно «проводит линию», предлагая в коммерческой игре не пользоваться машинкой – дескать, это замедляет игру и т.п. На самом же деле, он изначально выторговывает для себя более комфортные условия игры по отношению к большинству соперников, которым привычнее играть с «тёщей», чем «тычком».

Здесь же скажу и том, что в современном профессиональном Снукере сформировалось весьма положительное отношение к использованию «машинки». Более того, в академиях Снукера (а такие действительно существуют и весьма продуктивно функционируют – в отличие от российских так называемых «школ бильярда», которые существуют лишь на словах, да и то – на словах тех немногих дорвавшихся до кормушки бильярдных «умников», объявивших себя новоявленными гуру, а на самом деле не имеющих никакого отношения к истинному понятию «школа» бильярдной игры) ученикам прививается понимание того, что в игре необходимо использовать «машинку», а не переключать кий в неигровую руку. О возможности же выполнения ударов «пистолетом» в Снукере даже и речь не идёт. Если кому-нибудь из профессиональных игроков или тренеров Снукера предложить использовать «тычковые» удары, то в лучшем случае это будет воспринято как шутка, а скорее всего – как проявление клинических отклонений в мышлении.

11. В пятой главе Леман делится с читателями своим пониманием (а точнее – непониманием) причин, позволяющих на бильярде выполнять так называемые «дуговики» – удары, в результате которых биток движется не по прямолинейной, а по искривлённой траектории:

«Тогда, чтобы сыграть белого над лузой, надо играть или абриколью, что при настоящем положении шаров крайне ненадежно, или дуговиком. Для достижения последнего штоса ударяют по красному кием влево и вниз, приводя его в сильное вращение вокруг вертикальной оси слева направо, и в тоже время сообщают ему поступательное движение вправо от линии между центрами красного и первого белого. Тогда сложение этих двух движений в результате даст движение по дуге, движение столь странное на первый (эта дуга – парабола (см. вычисление траектории шара, имеющего 2 движения); примечание автора).

В самом деле, если бы красный шар, пущенный вправо от упомянутой линии между центрами шаров, не имел бы бокового вращения вокруг оси, то он и пошел бы по прямой линии. Но так как боковое вращение слева направо непрерывно увлекает его влево, то он и пойдет и вправо, и влево, т.е. по дуге».

Ну, что здесь скажешь о представлениях Лемана? Не хотелось бы резко опускать признанного теоретика с высот на землю, но всё-таки придётся это сделать – иначе я не знаю, как донести истину и вместе с тем «вытащить» Лемана сухим из воды.

Леман утверждает, что боковое вращение битка (как он пишет «вокруг вертикальной оси») способствует его боковому сдвигу при поступательном перемещении. Он, конечно же, не мог знать, что так оно и есть на самом деле – ведь подобными знаниями в конце девятнадцатого века учёные ещё не могли похвастаться. «Загогулина» заключается в том, что воздействие винта на сдвиг шара настолько мало, что почувствовать (измерить) этот сдвиг на практике – трудно решаемая задача даже в современных лабораторных условиях. Иными словами, влияние бокового вращения на перемещение шара в поперечном направлении столь ничтожно, что об этом имеет смысл говорить лишь на уровне сугубо теоретической, а не прикладной физики. Фактически же, сдвиг битка в боковом направлении происходит в силу того, что шар обладает поперечным вращением – вращением

вокруг продольной оси, то есть оси, направленной в сторону поступательного перемещения шара. А такое поперечное вращение создаётся за счёт того, что при ударе кием по битку одновременно присутствует смещение точки удара вбок от центра шара и наклонность удара по отношению к игровой поверхности. Таким образом, уже не впервые приходится констатировать, что если бы Леману посчастливилось к этому времени ознакомиться с трудом Кориолиса, он бы обязательно стал бы в курсе и причин появления поперечного вращения битка, и его влияния на вид траектории движущегося шара.

12. В седьмой главе Леман говорит об «истинах», которые следует учитывать при применении ударов с отражением шаров от борта (в первую очередь – дуплетов):

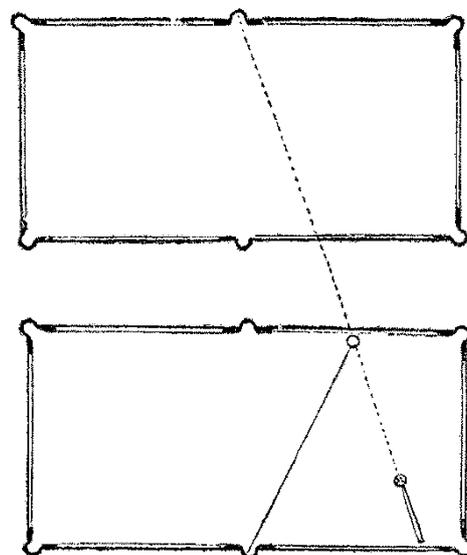
«1) Угол падения равен углу отражения (при простом ударе).

2) Угол падения может быть не равен углу отражения (при французском ударе)».

Французским ударом Леман называл удар с приданием шару бокового вращения, а простым – без такого вращения.

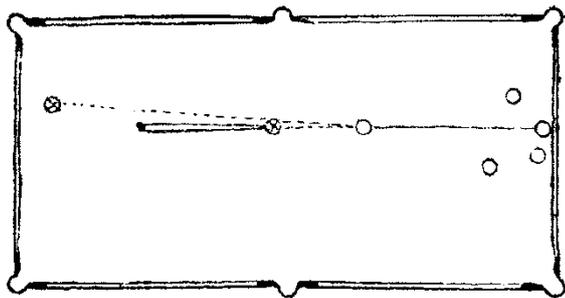
Если с первым из процитированных «откровений» ещё как-то можно согласиться (с определёнными оговорками), то вторая «истина» претендует на шедевральность. Довольно подробно об этом я говорил при обсуждении [«Мифа о равенстве углов падения и отражения»](#), поэтому не буду повторять промежуточных соображений и сразу изложу конечные утверждения. По моему мнению, «истины» Лемана, следует переформулировать кардинально иначе: 1) говорить о равенстве (хотя бы о приблизительном равенстве) углов падения и отражения в общем случае некорректно; 2) в случаях, когда при соударении с бортом шар не обладает боковым вращением, отражённая траектория никогда не будет близка к идеальной траектории отражения; 3) за счёт придания шару определенного бокового вращения, можно добиться того, что реальная траектория после контакта с бортом будет проходить весьма близко к идеальной траектории отражения. При этом, под идеальной траекторией отражения я как раз и подразумеваю воображаемую прямолинейную траекторию шара, отразившегося от борта под углом, равным углу падения.

13. В той же седьмой главе Леман учит «несведущих» любителей бильярдной игры дополнительному способу прицеливания при выполнении дуплетов – с использованием рядом стоящего стола. Он говорит: «В бильярдных, где стоит много бильярдных, обыкновенно бильярдные расположены параллельно друг к другу. Делая там дуплет центральным ударом, чрезвычайно удобно взять для точки прицела одну из луз на следующем бильярде (на приложенном чертеже взята средняя луза). Применяя сюда известный закон, по которому угол падения равен углу отражения, из простого геометрического построения видим, насколько справедливо сказанное относительно точки прицела».

Нетрудно заметить, что если бы столы стояли вплотную друг другу, то афишируемый Леманом способ мог бы претендовать на работоспособность – ведь при этом, по сути, реализовывался бы принцип прицеливания через зеркало, приставленное к тому борту, от которого дуплетом отражается шар. Но так как между столами есть значительный промежуток, рекомендацию Лемана не следует рассматривать иначе, как обман. Это нетрудно заметить и по приведенному самим автором рисунку – на нём угол отражения значительно отличается от угла падения, хотя Леман и говорит об обратном.

14. В главе 8 обсуждаются типичные способы выполнения отыгрыша, и в

качестве одного из них Леман приводит так называемый *отыгрыш простой оттяжкой*. Помимо рисунка, он включил в книгу и следующие слова: «Это – один из самых эффектных ударов, но он требует безукоризненного исполнения. По белому, стоящему недалеко от красного, ударяют последним, оттягивая его назад 'ветерком'».

Понятно, что суть комбинационного действия заключается в том, чтобы увести биток на одну половину стола, а все прочие шары оставить на другой. Только, в приведённом рисунке «петрушка» заключается в том, что Леман забыл соценить скорость движения битка и прицельного шара после их соударения. Ясно, что после удара, оттягивающего биток «назад ветерком», прицельный шар получит ещё большую, чем биток, поступательную скорость. А это значит, что ударившись в правый борт, этот шар отразится и прикатится в тот же район, куда и был оттянут биток. Спрашивается, – «А о каком, собственно, отыгрыше при этом идет речь»? Невольно возникает и попутный один вопрос, – «А что это Леман здесь нам голову морочит»?

15. Пришла пора перейти ко второму изданию книги Лемана. И здесь, не откладывая в долгий ящик – уже в предисловии – автор начинает буквально навязывать читателю своё уничижительное отношение к книге Кориолиса, посвящённой математическому описанию эффектов бильярдной игры. Он говорит:

«Кориолис в своей книге, о которой больше знают понаслышке (*Coriolis. Théorie mathématique des effets du jeu de billard. Paris. 1835. Примечание автора.*), оснастил текст выводами из теории вероятностей, теории пределов, дифференциалами и интегралами. Но что же вышло? Для математика эта книга несерьезна, для игрока бесполезна.

Надо упрощать дело, а не затемнять его. В данном случае такие ссылки на математику и физику показывают лишь недостаточность собственного творческого мышления».

Я уже неоднократно пословно разобрал эту тираду нашего соотечественника и доказывал, что слова Лемана перевирают действительность. Если не хотите разбираться в этом сами, просто поверьте мне на слово – никаких выводов из теории пределов, а уж тем более – из теории вероятностей в книге Кориолиса нет. А Леман, утверждая подобное, сам ставит себя в дурацкое положение. И всё это произошло именно потому, что он был знаком с работой Кориолиса лишь поверхностно, видимо – с чьих-то слов. Очень похоже на то, что именно отсюда растут ноги его язвительного отзыва. Ещё хорошо, что ко времени выхода в свет

второго издания своей книги Леман всё-таки научился писать фамилию Кориолиса без ошибок.

Закончу упоминание этого неприятного для меня факта тем, что подчеркну, – «Весьма напрасно, по моему мнению, Леман опустил до унижительной личностной оценки». Конкретно имею ввиду следующие слова, зафиксированные типографским образом: «В данном случае такие ссылки на математику и физику показывают лишь недостаточность собственного творческого мышления».

16. После разбора партии *solo* от Лемана досталось «на орехи» известному маркёру Роману Бакастову. Обосновывая необходимость корректировки существующих правил игры, Леман буквально размазал по стенке Правила Бакастова. И сделал это он безосновательно! Приведу цитату: «В 1853 году маркёр Роман Бакастов напечатал свои правила, которые в настоящее время даже странно читать. Однако, тогда они были во всеобщем употреблении. Вот, напр., на стр.21, пункт 8: «Если шар, медленно катясь к лузе, почти касаясь ее, остановится на минуту, а потом почему-нибудь (?) в нее упадет, то его ставят опять к лузе (??) и почитают недействительным». Итак, что за напасть? Шар докатился благополучно до лузы, свалился в нее, и все же он недействителен. Но – мало того. За это колебание, упасть или не упасть, его прямо отдают противнику, который, разумеется, мигом сыграет его назад в лузу. Отсюда ясно, что правила должны обновляться, а не могут оставаться на все времена неизменными».

Понятно, что для дворянина Лемана обыкновенный маркёр, посмеявшийся опубликовать Правила, не может соответствовать представлениям об интеллектуальном совершенстве. Но всё же, не следует передергивать, вытаскивая «в виде грязного белья» отдельную частичку из всего контекста! Привожу слова из Правил, следующие сразу же после цитаты, на которую сослался Леман. После точки с запятой (!), а не точки, которую почему-то позволил себе поставить Леман, говорится: «... если же шар, прикатившись к лузе, остановится, и противник успеет сосчитать: раз, два, три, то шар до счета считается в пользу игрока, а после счета ставится опять на то же место». Что же, согласно сказанному, получается? По мне, выходит так, что Бакастов, говоря «на минуту», просто имел в виду значительный промежуток времени. И если за это время игра продолжится, а потом шар всё-таки упадет в лузу, то его следует выставить в створе. И ничего особенного, а тем более – противоестественного, в этом я не вижу. Причём, ничего не говорится о том, кто из соперников в этот момент будет обладать правом удара – то есть, это может быть как тот, так и другой игрок. Часть же текста, связанная с проговариванием «раз, два, три», недвусмысленно объясняет, что противнику игрока, выполнявшего удар, после которого шар встал в лузу, не следует «чухаться», а нужно сосчитать до трех – если шар за это время не упадет, то Правилами будет регламентироваться переход хода. Соглашусь с тем, что несколько косноязычно выразился человек, но не стоит же только поэтому все переворачивать с ног на голову!

В общем, оказалось так, что, прочитав в первую очередь отзыв Лемана, а не сами Правила Бакастова, я поначалу серьезно заблуждался – на деле же Правила оказались вполне толковыми и интересными с разных точек зрения.

17. Следующая претензия к Леману связана с книгой «[Теория бильярдной игры: руководство для желающих сделаться первоклассными игроками](#)», изданной в 1847 году в Санкт-Петербургской типографии Эдуарда Праца. Как отмечалось выше,

при выпуске своего первого издания об этой книге Леман не имел понятия. Но время шло, и к 1906-му году что-то поменялось, а во втором издании труда Лемана появились вот такие строчки:

«Теория бильярдной игры. Перевод с французского. С.-Петербург, 1847 г., издание типографии Праца.

Это – перевод книги Манго: *Noble jeu de billard*. Брюссель, 1828 г., почти неизвестный любителям бильярдной игры и составляющий библиографическую редкость».

Удивительно, но этими немногими словами Леман собственноручно подписался под утверждением о том, что он так и не прочёл сразу две значимые книжки о бильярде. Причем, интересно, что в число этих двух книг не входит выше упомянутый труд анонимного автора от 1847-го года – его-то, вполне возможно, Леман проштудировал. А о каких же двух книгах идёт речь? Ну, во-первых, если заглянуть в текст напечатанной в России в 1847 году книги, станет сразу же ясно, что к [творению Франсуа Мангу](#) она не имеет никакого отношения. А это и означает, что о содержании книги «Благородная игра Бильярд», издававшейся как на французском, так и на английском языках, Леману было невдомёк. С другой стороны, материал книги 1847-го года безоговорочно свидетельствует о том, что в его основе лежит содержимое [книги Кориолиса](#) «Математическая теория явлений бильярдной игры», изданной в 1835 году – и не понять это мог только тот, кто на самом деле не знал конкретного содержания труда Кориолиса. По сути, в книге 1847-го года сделана первая из известных попыток изложить «на пальцах», то есть – без заумных для большинства читателей формул, теорию движения шаров, изложенную Кориолисом.

18. В завершение, пожалуй, обращусь к «Книге о скрипке №8», изданной уже после смерти Лемана – в 1914-м году. В этой книге, не имеющей отношения к бильярду, всё же нашлись «удивительные по скромности» слова, в которых Леман вспоминает своё предыдущее творение. Он сказал следующее:

«Я, например, написал книгу под названием «Теория бильярдной игры». Ну, пускай спросят мнения бильярдного игрока, развитого, интеллигентного, об этом сочинении. А мое мнение таково, что через двести лет никто не напишет книги, которая могла бы что-нибудь существенное добавить к этому сочинению».

Действительно, иначе как «образцом корректности, невзыскательности и чувства меры» это не назовёшь ... Остаётся ещё добавить, что в конце издания от 1906-года Леман сообщил: «Теория бильярдной игры должна представлять как бы *живого превосходного игрока, который стоит около любителя и учит его играть, объясняя все удары и шансы игры*. Но чтобы написать подобную книгу, надо иметь такую мощь изобразительности, какая редко встречается и у великих мастеров слова». Даже язык не поворачивается, чтобы сказать о том, что получится, если объединить эти слова со строчками из «Книги о скрипке №8».